

Д. И. Блюменау

Путешествие в наше вчера

повести,
рассказы,
статьи

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ББК 84(2)6-4
УДК 821.161.1
Б 71

Блюменау Д. И.

Б 71 Путешествие в наше вчера. Повести, рассказы,
статьи / Д. И. Блюменау. – СПб.: Алетейя, 2011. – 232 с.

ISBN 978-5-91419-519-6

По сути, практически вся проза есть путешествие в прошлое. Чаще всего это прошлое трансформируется на основе представлений потомков, реже – современников. При этом из прошлого стремятся вычлениить наиболее героическое, выдающееся (видимо, в назидание современникам, теряющим это героическое).

В предлагаемом сборнике представлены фрагменты прошлого, лишённые какой-либо героики и неординарности, простые будни очень заурядных персонажей. Автор попытался увидеть в этой обыденности элементы поэзии, т.е. увидеть в обычном особенное. Может быть, именно в этом важнейшая задача прозы?

Из общего контекста сборника выпадает статья о квазихрестоматии. Статья включена в сборник в связи с особой актуальностью затронутой в ней проблемы. В условиях чрезвычайной избыточности современного документального потока (с точки зрения конкретных профессиональных потребностей), обусловившей развитие информационного кризиса, особое значение приобретают источники информации, ориентированные на удовлетворение индивидуальных потребностей, возникающих при решении конкретных научно-производственных задач. Таких видов документов в современном документальном потоке практически нет. Существующие виды чрезвычайно избыточны. Современная компьютерная технология позволяет такие индивидуальные документы создавать. В статье о квазихрестоматии описывается один из подходов в решении рассматриваемой проблемы.

ББК 84(2)6-4

УДК 821.161.1

ISBN 978-5-91419-519-6

9

7 8 5 9 1 4 1 9 5 1 9 6

© Д. И. Блюменау, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

© «Алетейя. Историческая книга», 2011

За пожитками (Одиссея молодого кочегара)

Я лежу на брусчатой скамейке, прочно принайтованной к правому борту судовой рубки и, жмурясь, как мартовский кот на завалинке, наблюдаю за длинной чередой облаков, подобно караванам каравелл, медленно плывущих по белесой синеве сентябрьского неба. Ниже, подомной, дробно стучат по речной поверхности деревянные плиты колес нашего трудяги-пароходика, идущего вверх по течению славной речки Уфимки. Эта дробь то стихает — тогда понимаешь, что судно вышло на полноводный фарватер, то резко возрастает — значит судно приближается к стремнине переката. В этот момент с носа доносится голос впередсмотрящего, измеряющего длинным шестом глубину реки: «Есть два метра! ... Есть метр девяносто! ...Есть метр восемьдесят!». Это уже критическая глубина. Из открытого люка машинного отделения доносится резкий звон и голос машиниста, принимающего команду с мостика: «Есть малый!». Пароход сбавляет ход и начинает «на ощупь» искать проход к фарватеру. Снова слышится с носа: «Два метра! ... Два десять! ...» Проход найден! Раздается из машинного отделения звон и «Есть средний!» Стук колесных плит возрастает, и плывущие мимо берега ускоряют свой бег за кормой.

Пароход «Геркулес», на котором моя персона передвигалась по стремнинам Уфимки от пристани города Уфы до поселка Караидель, относился к числу одноэтажных судов, рассчитанных на плавание по многочисленным мелководным акваториям, которыми так богата наша матушка Русь. Построенные еще в дореволюционном Сормове, эти пароходы многие годы были единственным средством сообщения между населенными пунктами, не знавшими ни железнодорожных, ни автомобильных путей.

Если рассматривать наш «Геркулес» в профиль — от бушприта до гребного руля, — то в нем, как в каждом уважающем себя судне, можно отметить такие неперемменные «детали», как брашпиль (чугунную вращающуюся тумбу на баке для якорной цепи), однаорусную палубную надстройку (спардек), протянувшуюся от бака до кормы (юта), в которой размещались маленький ресторанчик, каюты для «привилегированных» пассажиров и судовой команды, по центру — машинное отде-

ление. На крыше (спардеке) находились капитанская (рулевая) рубка, неизменная пароходная труба и несколько скамеек для отдыха пассажиров первого класса, одну из которых занимала моя персона, хотя и не принадлежавшая к данной категории пассажиров. Менее привилегированные пассажиры размещались в кормовой части судна. Наконец, как и положено, на самой корме на флагштоке гордо реял красный флаг с серпом и молотом как символ государственной принадлежности этого славного судна.

Уфимка, как и многие ее «сородичи» по приуралью, — типичная горно-равнинная река: в верховьях (где-то в дебрях Свердловской области) она — горная, протекает в узкой долине, местами бурливая в порогах и, безусловно, не судоходная; в среднем и нижнем течении — более спокойная, течет в русле, огороженном, с одного берега, слоистыми известковыми скалами, поросшими невысокими елями и березками, с другого — широкими пологими поймами, полянами, холмами и перелесками. От подножья хребта Уралтау до впадения в реку Белую протяженность Уфимки составляет более девятисот километров — не такая уж и маленькая речка. Но судоходной она является лишь до Караидели. От Уфы это несколько более двухсот километров. Пейзажи на всем протяжении Уфимки поразительные. Об этих местах А.М. Горький писал: «А красотища там такая, что дух захватывает!» Некоторое представление о тех местах читатель может составить по кинокартине «Тени исчезают в полдень». В ней Уфимку местное население называет «Светлихой»: «Ведром помоев Светлиху не замутишь». Помните? Но я отвлекся.

Пока наш пароход преодолевает очередной перекаат, как раз есть время пояснить читателю, каким образом в один из ясных дней башкирской осени сорок третьего года я очутился на скамейке спардека славного речного труженика «Геркулеса».

Все наше прошлое, даже не очень отдаленное, фиксируется в нашей памяти в виде цепочки отдельных «картинок», между которыми протекают темные пятна забвения. Эти «картинки» представляются нам тем явственнее и отчетливее, чем значительнее была эмоциональная реакция на события. В этой череде событий, предшествовавших моему появлению на скамейке, я выделяю лишь несколько, для меня наиболее ярких, опустив остальные, хранящихся на более низких этажах сознания. А вообще, если задуматься, то эта череда «картинок» и составляет то, что мы называем нашей жизнью. Остальное ...

Событие первое. Начало февраля сорок второго. Семь часов пятнадцать минут. Темнота не крошечная, а абсолютная. Я выхожу из «теплой» комнаты в соседнюю, где вода обычно замерзает. Выношу два ведра — «отхожее» и пустое для чистой воды. Иду на ощупь по коридору к выходной двери. Надо быть очень осторожным, чтобы не расплескать содержимое первого ведра. Ставлю ведра на пол и пытаюсь открыть французский замок. Замок щелкнул, но дверь не открывается. Нажимаю на дверь плечом и что-то отодвигаю на площадке. Ногой нащупываю препятствие — явно чье-то тело. «Кто тут?» — молчание. достаю спички и чиркаю: на меня смотрят остекленевшие глаза соседки с верхнего этажа. Пытаюсь её потрясти — никакой реакции: замерзла. Поднимаюсь выше этажом и стучу в дверь — никто не открывает. Забираю ведра и начинаю спускаться с четвертого этажа. Я здесь знаю каждую ступеньку, но иду осторожно — как бы не наткнуться на кого-нибудь ещё. Выхожу во двор: ночь безлунная, но свет низко висящих в морозном небе звезд позволяет кое-что различать. Выливаю содержимое первого ведра в общую кучу и прячу его за помойным ящиком. Со вторым, чистым, ведром выхожу на улицу и направляюсь в сторону Невы к проруби. В том же направлении с ведрами движутся отдельные силуэты. Очередь к прорубе на этот раз не длинная — человек тридцать. Возвращаюсь с полным ведром обратно. Идти не далеко, главное не поскользнуться. Пробовал возить на санках, но понял, затея рискованная, сплошные ледяные колдобины. На этот раз все благополучно. Ведро донес, даже не расплескав. Матушка уже встала, разожгла буржуйку, чтобы разогреть вчерашние оладьи из вымоченного порошка горчицы. На топку пошел одиннадцатый том стотомного Диккенса. Все бы столько написали! С оладьями покончено. Кружка кипятку выпита. Пора на работу. Идти не так далеко — всего километра три с половиной. По дороге зашел в жилконтору и засунул в щель двери записку о соседке. Погода хоть и морозная, но без ветра. Иду мимо Таврического сада. Под ногами похрустывает. Начинает рассветать. Хорошо.

Событие второе. Безбрежная синева Ладоги. Тишина. Лишь глухой стук двигателей доносится снизу, из трюма. Две открытые самоходные баржи движутся одна за другой с интервалом метров двести. Передняя до верху заполнена тюками, узлами, корзинами. Это скарб пассажиров второй баржи, эвакуируемых из Питера. Баржам предстоит пересечь Невскую губу Ладоги от Борисова Гривы до Кабоны. Расстояние всего километров сорок, но нужно проскочить, чтобы не засекала не-

мецкая авиация. Часто это получается, но не всегда. На этот раз не повезло. До Кабоны оставалось не более двух километров, как на небольшой высоте с ревом моторов над нашими головами пронесся белосвистичный Мессершмидт. И три высоких фонтана взлетели ввысь — первый за нашей кормой, второй между баржами, третий в центр впереди идущей баржи. Она раскололась пополам и со всем своим содержимым пошла ко дну. Не спаслась и команда...

Событие третье. Полустанок в густом сосновом лесу. Полдюжины товарных вагонов на одноколейке. Впереди состава пытит паровоз. Все людское «содержимое» второй баржи с оставшимися ручными складами, перевезенное на полуторках из Кабоны, ожидает около своих вагонов посадки. Неожиданно из просеки выезжает машина с цистерной. Раздается команда: «Приедем подготовить посуду и повагонно выстроиться за получением питания». Каждому подошедшему к цистерне выдают по триста граммов хлеба и большому черпаку жидкой манной каши. Большинство это поглощается на месте. Некоторые часть пайка оставляют на потом. Снова собираются у своих вагонов, начинается посадка. По деревянным настилам пассажиры забираются в вагоны. Только здесь они осознают, что большая часть их пожитков ушла на дно Ладоги. Мне с матушкой повезло. Пропал только чемодан с вещами. Два тюка с одеждой остались при нас. Поезд продвигается на небольшой скорости. По обеим сторонам насыпи высокие сосны. Многие из пассажиров начинают ощущать в своих кишечниках не совсем приятное бурление. С испугом смотрят друг на друга ... Но нет худа без «добра». Неожиданно поезд останавливается и начинает отрывисто гудеть. Вдоль состава бежит охрана, открывает вагоны и командует: «Всем из вагонов и укрыться в лесу!». Где-то справа застучали зенитки и одновременно «посыпалась» дробь по крышам вагонов: это несущиеся на бреющем полете самолеты из пулеметов обстреливали состав. Самолеты взмыли вверх и пошли на разворот для следующей атаки, но были отпуганы огнем зениток. Паровозные гудки замолкли, и вновь раздалось: «По ваго-о-нам!». К счастью, никто из пассажиров не пострадал, к тому же многие облегчились ... Больше в пути налетов не было. Через некоторое время, уже к вечеру, состав достиг какой-то станции, его присоединили к другому составу, и поезд обычной пассажирской скоростью пошел в ночь на юг.

Событие четвертое. К пункту назначения — одной из временных волжских пристаней — состав подошел ранним сереньким утром. Видимо, где-то ниже Рыбинска. Метрах в двухстах от железнодорожных

путей виднелась река. Волга. Вдоль берега две баржи. К ним причалены два крупных пассажирских парохода. Один из них — «Надежда Крупская». Наша половина эшелона грузится на этот пароход. При посадке выясняется, что пароход идет не до Сталинграда, как предполагалось маршрутом, определенным еще в Питере, а до Уфы. Все недоуменно смотрят друг на друга — у многих конкретные адреса для пребывания. У нас тоже есть такой — в станицу Лабинскую: «Начальнику ... Прошу оказать семье работника нашего наркомата всю возможную помощь в обустройстве на новом месте жительства ...». Что делать? Начальник эшелона разъясняет: «На подступах к Сталинграду уже идут бои. Никакая эвакуация туда невозможна. Садитесь на этот пароход».

Мы в четырехместной каюте. Помимо нас двоих, еще одна женщина с двумя детьми — Анна Васильевна с мальчиком семи и девочкой девяти лет. У них тоже был конкретный адрес — Калач-на-Дону, к родственника. Теперь — сплошная неизвестность. Решили держаться «друг за друга». Нас накормили — не манной кашей, а настоящими щами и картофельным пюре с мясной подливой. Вкуснятина! Через час на пароходе мертвая тишина, все спят. Вышел на палубу — никого. Проплываем мимо какого-то городка, на дебаркадере «Тутаев». Идем безостановочно дальше. Почему я не могу уснуть? ...

Событие пятое. Мы уже третий день, как в Уфе. На эвакуационном пункте. Метрах в ста от железнодорожного вокзала. Теперь нас уже пятеро, получили направление для местожительства — село Дуван: северо-восток от Уфы, километров девяносто от пристани Караидель. Прошли самотоварку. Чистые, и для остального мира теперь не опасные.

Сегодня я провожаю на пристани Анну Васильевну с ее детьми. Мы с мамой пока остаемся в Уфе. Врач на эвакуационном пункте рекомендовал маме на пару недель задержаться в больнице, чтобы поправить здоровье, а затем уже продолжать путь. Все основные наши вещи Анна Васильевна берет с собой, чтобы нам потом добираться налегке. За время пути ребята ко мне очень привыкли и уговаривают ехать с ними. Обещают скоро приехать ...

Обещание не выполнил. Через неделю матушки не стало, и начальник эвакуационного пункта предложил мне работу в качестве «помощника администратора» — за питание и крышу над головой. А также, чтобы я продолжил свое образование в авиационном техникуме. Он так сочувственно ко мне отнесся потому наверно, что знал моего отца по Ленинграду. Я остался в Уфе. Жаль, что все зимние вещи уехали с Анной Васильевной...